

УДК 304.5

РОЛЬ ГАБИТУСА В ПОДДЕРЖАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Г. С. Солодова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
gsolodova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются два ключевых понятия современной социологии – идентичность и габитус. Справедливости ради отметим, что последнее существенно уступает в частоте исследовательского приложения, а в публицистической практике оно практически не встречается. Одна из причин – определенная понятийная сложность. Принципиальной новизной данной статьи является то, что помимо описания механизма обретения идентичности, в работе показана связь габитуса и идентичности, его ключевая роль в сохранении и поддержании идентичности.

Ключевые слова: габитус, механизм обретения идентичности, воспроизводство габитуса, инертность.

Для цитирования: Солодова, Г. С. (2025). Роль габитуса в поддержании идентичности. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 2. С. 163-169. DOI: 10.47850/RL.2025.6.2.163-169

THE ROLE OF HABITUS IN MAINTAINING IDENTITY

G. S. Solodova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
gsolodova@gmail.com

Abstract. The article discusses two key concepts of modern sociology: identity and habitus. To be fair, we should note that the latter is considerably inferior in the frequency of research application. It is practically never used in publicist practice. One of the reasons is a certain conceptual complexity. The principal novelty of this article is that in addition to describing the mechanism of acquiring identity, the paper shows the relationship between habitus and identity, its key role in preserving and maintaining identity.

Keywords: habitus, mechanism of identity acquisition, reproduction of habitus, inertness.

For citation: Solodova, G. S. (2025). The Role of Habitus in Maintaining Identity. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 2. Pp. 163-169. DOI: 10.47850/RL.2025.6.2.163-169

Прежде чем обратиться к понятию идентичности, процессу ее обретения и влиянию габитуса на процесс ее воспроизводства, уместным и необходимым представляется более подробно рассмотреть само понятие габитуса. Как и многие другие термины и понятия, используемые в социологии, габитус не является социологическим неологизмом. Его истоки укоренены в древнегреческой философии и ведут к Аристотелю (упрощенно – многократно повторяющееся действие, способствующее его воспроизводству). Дальнейшая генеалогия понятия связана с Фомой Аквинским и его переводом аристотелевского экзиса на латынь как

габитуса (habitus). При этом основное смысловое наполнение как предрасположенности сохранилось. И в ранних, и в более поздних интерпретациях подчеркивается значимость прошлого опыта, его влияние на диапазон потенциальных практик и предпочтений. Усвоенные, интернализированные в прошлом установки и представления имеют тенденцию к своему воспроизводству и даже экстернализации.

Габитус – не просто предшествующий опыт, приобретенный в определенной среде и варьирующийся в зависимости от социального контекста, но в терминологии Бурдьё это – структурированная и одновременно структурирующая предрасположенность. Иначе говоря, это система прочных предрасположенностей, сформированных прошлым опытом и предназначенных для упрощения функционирования в настоящем и будущем, но уже в качестве активных «структурирующих структур».

Габитус не предполагает сознательной нацеленности на результаты. Это латентные, интернализированные и не рефлекслируемые индивидом установки, однако обладающие деятельностным потенциалом. Наделенный активной составляющей габитус производит отбор и в определенном смысле селекцию социальных представлений и практик. В некотором роде это встроенный измерительный и оценочный инструмент, который выбирает и воспроизводит только те практики, которые не только не противоречат, но совпадают с ранее полученными и интернализированными установками. В дальнейшем они воспринимаются как конвенциональные, естественные и в общем-то безальтернативные. Отбор и достраивание уже существующих представлений и практик новыми происходит непротиворечиво и непреднамеренно. В свою очередь он обеспечивает основу для дальнейшей согласованности и преемственности уже обретенных и новых идентичностей.

Защищенный от изменений самим принципом отбора новой информации, отрицанием информации, способной поставить под сомнение уже накопленную информацию, габитус имеет тенденцию к временной устойчивости и постоянству. В этих условиях идентичность получает большую стабильность и отчетливость. В качестве иллюстрации Бурдьё приводит эмпирически подтверждаемую ситуацию – люди склонны говорить о политике и религии с теми, кто придерживается аналогичных взглядов: «Производя систематические выборы мест, событий, людей для знакомств, габитус защищает себя от кризисов и критических нападков, обеспечивая себе, насколько это возможно, среду, к которой он уже приспособлен, т. е. относительно постоянный круг ситуаций, усиливающий его предрасположенности. Самое парадоксальное качество габитуса – отбирается информация, необходимая для того, чтобы уклониться от информации». Иными словами, человек интуитивно избегает ситуаций, нарушающих согласованность прежней картины мировосприятия и самовосприятия. Габитус – «это принцип выборочного восприятия индикаторов, направленных скорее на подтверждение и усиление габитуса, нежели на его трансформацию, это матрица, генерирующая реакции, заранее приспособленные ко всем объективным условиям, идентичным или гомологичным (с прошлыми) условиями производства габитуса». Как система предрасположенностей – это прошлое, которое присутствует в настоящем, но устремлено в будущее [Бурдьё, 1995, с. 31]. При таком рассмотрении габитуса одним из напрямую вытекающих следствий является его непосредственное участие в сохранении постоянства идентичности.

Далее хотелось бы обратиться к понятию идентичности и механизму ее выстраивания. Первоначально несколько вводных замечаний. Тема идентичности, ее разных аспектов, более чем изучена. Она стала предметом бесконечного множества отечественных и зарубежных публикаций. Вместе с тем заметим, что рассмотрение механизмов обретения и функционирования идентичности часто оставалось вне зоны исследовательского внимания, что обуславливает наше обращение к этой теме.

Термин идентификация (от позднелат. *identificare* – отождествлять) введен З. Фрейдом и означает процесс эмоционального или иного самоотождествления индивида с другим человеком, группой, образцом. Зарождение научного интереса к понятию идентичности и проблемам, связанным с процессами идентификации (проблематизация идентичности), принято относить ко второй половине прошлого века. Несмотря на работы Э. Дюркгейма и его понятие коллективного сознания и коллективных представлений как основы социальной идентичности; несомненный вклад Ч. Кули и Дж. Мида – символический интеракционизм с понятием зеркального Я; психосоциальную теорию Э. Эриксона, включившую в научный оборот понятие кризиса идентичности, обзор ранее вышедших научных и публицистических изданий не позволяет говорить о научной востребованности данной тематики, ее оформлении в самостоятельное исследовательское направление. Соответственно, в отличие от современных публикаций, которые пестрят обсуждениями и вариациями трактовки и видов идентичности, вопросы религиозной, политической, гендерной, этнической и иных идентичностей не стояли на повестке исследовательских или общественных обсуждений. Не было дискуссий и о двусмысленности, многомерности, и тем более кризисе и потере идентичности.

Активное введение в научный оборот и зарождение научного и социального интереса к данной теме – результат более позднего времени. Прочное укоренение внимания к вопросам идентичности связывают с последней четвертью XX в. Подобную актуализацию научных обсуждений рассматривают как закономерную реакцию на потребность в анализе и осмыслении влияния социокультурных и политических изменений на самовосприятие и социальное поведение человека. Высокая скорость и качественный характер трансформаций, происходящих на макроуровне, создали условия для расширения диапазона возможных самоопределений. Расхождения, диссонанс между традиционным и современным, локальным и глобальным, реальным и виртуальным сделал процесс идентификации более сложным. Внятность, устойчивость и в некотором роде однозначность и безальтернативность индивидуальной идентификации дополнились, а в некоторых ситуациях и заменились ее многозначностью и множественностью. При этом множественность идентичностей стала зеркальной реакцией на разнообразие социальных контекстов и сопутствующее ему различие в преобладающих ценностях и предпочтительных практиках. Однако множественность идентичностей оказалась не только ресурсом, но и социальной проблемой.

Базовым, определяющим тезисом в социологических теориях идентичности является ее рассмотрение как результата социальных взаимодействий. В первую очередь это постулируется в символическом интеракционизме и социальном конструктивизме. Строго говоря, идентичность не является объективной данностью и аскриптивным и неизменным признаком, это результат социальной включенности и внешней идентификации человека. Социальным следствием и продолжением такой идентификации является формирование определенного типа установок и практик.

Подчеркивается динамичность и растянутость самоопределения – обретение идентичности как процесс. Идентичность может служить и маркером отличий, выполнять функцию разграничения свой-чужой. Более того, сам процесс самоидентификации носит атрибутивный, маркирующий характер – вхождение или исключение. Такой тип идентификации называют дифференциальной, различительной – идентификация не по подобию, а по различению, т. е. не только вместе со своими, но и против чужих [Солодова, Краснопольская, 2020]. Иными словами, идентичность – одно из проявлений социального разделения и категоризации.

Несколько ключевых тезисов, на которых хотелось бы остановиться:

В основе идентификации – эволюционно выработанная антропологическая потребность в групповой принадлежности. Процесс отождествления себя с группой, сходная идентификация рассматривается как условие и основание групповой интеграции и сплоченности. В этом смысле идентичность выступает как показатель единства с общностью, результат одновременно и внешней идентификации, и самоопределения, и самоидентификации.

Стоит отметить и такой нюанс, как степень самоотождествления с группой. Высокий уровень приверженности целям, образцам и ценностям группы может вести к сплошной, тотальной самоидентификации с нею вплоть до утраты собственного мнения, собственного я, если оно отличается от группового мы, – группе придается высокая степень исходной гомогенности. Будучи автором и соавтором теорий социальной идентичности и социальной категоризации, Джон Тернер отмечал, что актуализация групповой идентичности (отождествления с группой) должна неизбежно тормозить установки и поведение, порождаемые личностной идентичностью, и, наоборот, актуализация личностной идентичности подавляет работу и эффекты идентичности социальной [Тернер, 2003]. Чем больше включенность молодого человека в ту или иную структуру, тем выше уровень его самоидентификации с ней и, соответственно, активнее процесс интериоризации групповых норм. Наряду с фиксированием и демонстрацией принадлежности к группе, иной задачей идентификации является функция отделения от чужих, от чужой группы. Следствием высокой степени самоотождествления с группой может стать снижение и обесценивание представлений иных групп.

Механизм обретения идентичности непосредственным образом связан с процессами интернализации или, другими словами, переводом в систему внутренних ценностей и убеждений внешних представлений и установок. Это ключевой этап и условие бесконфликтной встроенности пополняющих общество поколений в уже существующий социокультурный контекст. В наибольшей степени он характерен для процессов обретения первичных, базовых идентичностей. С социологической точки зрения процесс интернализации обстоятельно рассмотрен П. Бергером и Т. Лукманом применительно к первичной социализации [Бергер, Лукман, 1995].

Важной функцией интернализации является обеспечение соответствия внешних, задаваемых обществом социальных норм и реального поведения человека. Благодаря интернализации, некогда чуждые нормы и ценности принимаются и не воспринимаются как что-то внешнее и давящее. Интернализация способствует ненасильственному, но согласованному с внутренними представлениями и желаниями индивида, сохранению и поддержанию общественных норм и, как следствие, социального порядка общества в целом. Наличие и осуществление процесса интернализации, т. е. интернализация

индивидом социальных норм, позволяет рассматривать человека как результат общественных воздействий, иначе говоря, как социальный продукт. Иными словами, идентичность и идентификация в их базовых формах – результат интернализации индивидом оценок и представлений его ближайшего, но внешнего окружения.

В основе интернализации лежат две величайшие способности человека: первая – конформность, социальность, потребность в инкорпорации; вторая – восприимчивость, способность к обучению, подражанию, «перениманию от другого». Французский социолог и один из основоположников социальной психологии Г. Тард полагал, что принцип подражания лежит в основе человеческих взаимоотношений, а отношение учитель-ученик, в самом широком его толковании, является типовым социальным отношением. Более того, человек не только подражает другим, но желает, чтобы другие делали то же самое и походили на него. Неисполнение этого вызывает враждебность. Перенимание, восприятие от другого ведет к тому, что между людьми (значимыми другими и конкретным индивидом, ребенком) происходит непрерывная сходная идентификация и интерпретация событий, людей. Это обеспечивает социальные координаты и маркеры, встраивает человека в координатную сетку социальной системы, позволяет лучше ориентироваться и взаимодействовать в социальном пространстве, быть узнаваемым.

Успешность и прочность идентификации в значительной степени определяются обстоятельствами, в которых она происходит. Чем выше эмоциональная привязанность к человеку, влияющему на процесс самоидентификации, тем органичнее и результативнее интернализация и более укоренена обретаемая идентичность.

Основная функция обретения идентичности для индивида – субъективно понятное определение и размещение себя в социальном пространстве. Отсутствие идентичности, ее неопределенность ведут к фрустрации, человек теряется, не знает кто он. Приобретение идентичности предполагает освоение и выполнение определенных социальных, ментальных и поведенческих практик. Это продукт соотнесения с социальной реальностью, ее интернализации и тождественного отражения. Структурная сложность и семантическая многомерность современного социального пространства подразумевают множественность идентичностей, разную степень их интернализации и востребованности. Базовая идентичность может уходить на периферию социального взаимодействия, приобретать латентный характер и фрагментарную востребованность.

Как об общем процессе, наблюдаемом в современном мире, можно говорить, что идентичности приобретают локальность, эластичность и временность, ситуативность своего активного функционирования, т. е. границы. При этом набор потенциальных идентичностей индивида несвободен от исходного социокультурного контекста и интернализированных в нем представлений и базовых идентичностей. Можно говорить об определенной устойчивости и инертности приобретенных идентичностей. Вероятность обретения новых идентичностей находится в связи, коррелирует с уже сформированными и интернализированными представлениями о себе и о должном. Новые самоидентификации в идеале не должны вступать в конфликт с уже приобретенными. Речь скорее о расширении и согласованности набора потенциальных самоопределений, нежели об их кардинальном пересмотре.

Согласно Бурдьё, это как структурированная предрасположенность или диспозиция, т. е. заданная, предопределенная прошлым опытом склонность к повторению определенного типа социальных практик. Происходит воспроизводство поведения, предпочтений, оценок, типов социальных связей, ранее сформированных структурой, т. е. объективными социальными условиями [Бурдьё, 1995].

Еще один очень важный момент. Процесс обретения идентичности не является односторонним и механическим. Он предполагает подвижную, гибкую связь между внешней идентификацией и самоидентификацией. Другими словами, это рефлексия, отражение оценок, даваемых другими. Примером, иллюстрирующим связь идентификации и самоидентификации, могут послужить слова из известного произведения: «Если поросенком вслух, с пеленок обзывают, баюшки-баю, даже самый смиренный ребенок превратится в будущем в свинью»¹. Связь эта никогда не остается статичной, раз и навсегда установленной, – она представляет собой непрерывное балансирование, динамический процесс.

В современных обществах с высокой интенсивностью и числом реальных и виртуальных контактов процесс выстраивания идентичности становится многофакторным и менее предсказуемым. В этом отношении чрезвычайно важно значение базовых идентичностей, приобретенных в процессе первичной, семейной социализации.

Вместо заключения

Не углубляясь в детали, кратко резюмируем вышеизложенное. В отличие от психологических подходов, социологическое видение процессов формирования идентичности делает акцент на внешних, в том числе не рассмотренных здесь институциональных факторах и структурах. Будучи в значительной степени социальным продуктом, мы становимся такими, какими нас видят и какими нам позволяют быть окружающие. Наша идентичность – продукт нашей жизненной истории, конвенционный баланс между желаемым и должным, возможным и должным. Представляется, что данное утверждение носит общий характер и является релевантным по отношению к различным социокультурным формам и проявлениям идентичности. В современных обществах с высоким уровнем территориальной и социальной мобильности, когда человек менее связан с местом и контекстом своего рождения, чем в традиционных обществах, потребность в идентификации и принадлежности сохраняется. Усложняется структура, число и степень потенциального многообразия идентичностей. На смену, в общем-то, безальтернативности, неизменности и уверенности пришла кратковременность, ситуативность, множественность и двусмысленность. В этих обстоятельствах инструментом, придающим набору идентичностей некую цельность и целеполагание, служит габитус.

Список литературы / References

Бергер, П., Лукман, Т. (1995). *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Пер. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум.

Berger, P., Luckmann, T. (1995). *The Social Construction of Reality. A treatise on the Sociology of Knowledge*. Rutkevich, E. D. (transl.). Moscow. (In Russ.)

¹ Высоцкий, В. С. (1973). Песня про ребенка-поросенка. *Культура. РФ*. URL: <https://www.culture.ru/poems/19765/pesnya-pro-rebenka-porosenka> (дата обращения: 10.04.2025).

Бурдьё, П. (1995). Структуры, Habitus, Практики. *Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас*: учебное пособие. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та.

Bourdieu, P. (1995). Structures, Habitus, Practices. *Modern Social Theory: Bourdieu, Giddens, Habermas*. Textbook. Novosibirsk. (In Russ.)

Солодова, Г. С., Краснопольская, И. И. (2020). Механизм производства этнических границ. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 58. С. 189-197.

Solodova, G. S., Krasnopolskaya, I. I. (2020). The Mechanism of Production of Ethnic Borders. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. No. 58. Pp. 189-197. (In Russ.)

Тернер, Дж. (2003). *Социальное влияние*. СПб.

Turner, J. (2003). *Social Influence*. St. Petersburg. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Солодова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: gsolodova@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 06.04.2025

После доработки: 05.05.2025

Принята к публикации: 26.05.2025

Solodova Galina – Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: gsolodova@gmail.com

The paper was submitted: 06.04.2025

Received after reworking: 05.05.2025

Accepted for publication: 26.05.2025